

ISSN 0131-6095

Русская литература

3

2019

Российская Академия Наук

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

Русская литература

№ 3

Историко-литературный журнал

2019

Издаётся с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Н. А. Богомолов. О научных изданиях современной поэзии: проблемы текстологии и комментария	5
РУССКАЯ ТЕМА В ЗАРУБЕЖНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	
В. Е. Багно. Русская тема и русские темы в зарубежной художественной литературе (опыт систематизации)	22
М. Ю. Коренева. О русских мотивах в биографии и творчестве Жан Поля	30
П. Р. Заборов, Н. И. Греч и «Revue encyclopédique»	36
К. С. Корконосенко. Русские имена и реалии в произведениях Пио Барохи	42
И. В. Аршинова. «Изображение русской жизни в английских романах вводит в заблуждение»: взгляд Англо-русского литературного общества на русскую тему	50
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
Н. В. Савельева. Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломятина	54
А. С. Бодрова. Цензурная политика А. С. Шишкова и история пушкинских изданий 1825–1826 годов	63
А. В. Курочкин, А. С. Пушкин в «Записках о словесности» графа Д. И. Хвостова	73
Н. Л. Васильев, Д. Н. Жаткин. К вопросу об авторстве анонимного стихотворения эпохи Крымской войны «Кто кому нужнее?» («Итак, не сказка уже это...»)	92
Н. А. Тарасова. Проблемы изучения рабочих тетрадей Ф. М. Достоевского в биографическом контексте	103
В. А. Котельников. Метаморфозы телесности в критическом дискурсе Акима Вольнского	111
Переписка Ф. К. Сологуба и Ан. Н. Чеботаревской с И. И. Ясинским (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Т. В. Мисникевич)	122
Н. С. Беляев. Собрание П. А. Ефремова в библиотеке Пушкинского Дома: история поступления	133
Е. В. Кузнецова. «Русский Оскар Уайльд»: сценический образ Игоря Северянина	140
А. В. Петров, М. Л. Скворцова. Забытая пьеса эпохи модерна о XVIII веке («В век Екатерины» В. П. Буренина и Ф. Е. Зарина)	154

С. В. Федотова. Вячеслав Иванов и союз «Взаимопонимание» (1918)	171
Приложение. Вячеслав Иванов. О единении Италии, Франции и России	181
В. В. Сердечная. Духовные странники. Малоизвестные страницы творческого диалога Николая Гумилева с Уильямом Блейком	182
В. В. Десятов. Тропую львов: роман В. В. Набокова «Подвиг» и житнетворчество	189
Е. Р. Пономарев. «Окаянные дни» И. А. Бунина: история текста	196
А. А. Кобринский. Мнимый экфрасис: из комментариев к роману К. Вагинова «Бамбочада»	210
Евгений Добренко (<i>Великобритания</i>). Искусство ненависти: «ярость благородная» и на- силе в советской культуре периода Второй мировой войны	217
А. Ф. Лосев на подступах к символистской драме (вступительная статья, подготовка тек- ста и комментарии Е. А. Тахо-Годи)	229
Приложение. А. Ф. Лосев. Три Лаодамии	233
А. М. Ремизов. Во власти сказок (вступительная заметка, подготовка текста и коммента- рий А. М. Грачевой)	236

ЗАМЕТКИ

А. И. Рейтблат. Забытое свидетельство об авторстве стихотворения «На нынешнюю войну»	240
---	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

С. А. Семячко. Кормчая как сборник устойчивого состава	242
Е. Д. Кукушкина. Г. Р. Державин глазами современников	244
Н. Д. Кочеткова. Путь Карамзина-писателя к истории	247
А. Д. Степанов. Чеховский мир: единство видения	250
Т. М. Двигина. Предъюбилейное: буниниана последних лет	252

ХРОНИКА

Е. Р. Обатнина. XXII Научные чтения Рукописного отдела Пушкинского Дома	257
Д. М. Буланин. Международная научная конференция «Историческое повествование в вос- точнославянской письменности»	260
Н. В. Лощинская. Седьмой научно-практический семинар «Зачеркнутый текст в перспек- тиве художественного высказывания»	263
С. А. Алексеева, Т. Р. Руди. Седьмой агиографический семинар	267
Summaries	271

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

*Н. А. БОГОМОЛОВ, М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО, Ж. Ф. ЖАККАР, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
Д. Ж. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, Д. Ж. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК, В. ШМИД, Т. В. ЦИВЬЯН*

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, В. В. ГОЛОВИН, А. М. ГРАЧЕВА,
И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ,
А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ, М. В. ОТРАДИН,
А. А. ПАНЧЕНКО, В. В. ПОЛОНСКИЙ, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА*

Адрес редакции: 190034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Российская академия наук, 2019
© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 2019
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская литература», 2019

RUSSKAYA LITERATURA

№ 3

Historical and Literary Studies

2019

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

	Page
N. A. Bogomolov . Concerning the Academic Editions of Modern Poetry: Commenting and Textology Issues	5
RUSSIAN THEME IN FOREIGN FICTION	
V. E. Bagno . Russian Theme and Russian Themes in the Foreign Fiction (a Case Study of Systematization)	22
M. Yu. Koreneva . Concerning the Russian Motifs in the Life and Work of Jean Paul	30
P. R. Zaborov , N. I. Grech and <i>Revue Encyclopédique</i>	36
K. S. Korkonosenko . Russian Names and Realities in the Works by Poi Baroja	42
I. V. Arshinova . <i>The Presentation of the Russian Life in the English Novels Is Misleading: Russian Theme as Perceived by the Anglo-Russian Literary Society</i>	50
RELEASES AND REPORTS	
N. V. Savelyeva . Unknown Samples of Lexicographical Legacy in <i>Tsvetnik</i> by Prokhor Kolomyatin	54
A. S. Bodrova , A. S. Shishkov's Censorship Policy and the History of Pushkin's Editions of 1825–1826	63
A. V. Kurochkin , A. S. Pushkin in Count D. I. Khvostov's <i>Notes on Literature</i>	73
N. L. Vasilyev , D. N. Zhatkin . Concerning the Authorship of the Anonymous Poem of the Crimean War Period, <i>Kto Komu Nuzhneye? (Who Needs Whom More?)</i>	92
N. A. Tarasova . The Challenges of Researching F. M. Dostoyevsky's Workbooks in Biographical Context	103
V. A. Kotelnikov . Metamorphoses of Corporeality in the Critical Discourse by Akim Volynsky	111
F. K. Sologub and An. N. Chebotarevskaya's Correspondence with I. Yasinsky (Introduction, Editing and Comments by T. V. Misnikevich)	122
N. S. Beliaev , P. A. Yefremov's Collection in the Library of Pushkin House: The Acquisition History	133
E. V. Kuznetsova . «The Russian Oscar Wilde»: a Stage Image of Igor Severyanin	140
A. V. Petrov , M. L. Skvortsova . A Forgotten Art Nouveau Play about the 18th Century (<i>V Vek Ekateriny (In the Age of Catherine)</i>) by V. P. Burenin and F. E. Zarin)	154

S. V. Fedotova. Vyacheslav Ivanov and the Mutual Understanding Union (1918)	171
Appendix. Vyacheslav Ivanov. On the Unification of Italy, France and Russia	181
V. V. Serdechnaya. Mental Travelers. Obscure Pages of the Artistic Dialogue between Nikolai Gumilyov and William Blake	182
V. V. Desyatov. The Path of the Lions: <i>The Glory</i> by V. V. Nabokov and Life Creation	189
Ye. R. Ponomaryov. <i>Cursed Days</i> by I. A. Bunin: the History of the Text	196
A. A. Kobrinskiy. A Pseudo-Ecphrasis: Commenting on K. Vaginov's Novel <i>Bambocciada</i>	210
Yevgeniy Dobrenko (<i>Great Britain</i>). The Art of Hatred: «Noble Fury» and Violence in the Russian Culture of the World War II Period	217
A. F. Losev: Approaches the Symbolist Drama (Introduction, Editing and Comments by E. A. Taho-Godi)	229
Appendix. A. F. Losev. Three <i>Laodamias</i>	233
A. M. Remizov. In The Grasp of the Fairy Tales (Introductory Note, Editing and Comments by A. M. Gracheva)	236

NOTES

A. I. Reytblat. A Neglected Insight into the Authorship of the Poem <i>To the Current War</i>	240
---	-----

REVIEWS

S. A. Semyachko. A <i>Kormchaya</i> as a Collection with a Permanent Composition	242
E. D. Kukushkina. G. R. Derzhavin through the Eyes of his Contemporaries	244
N. D. Kochetkova. The Progress of Karamzin the Writer towards History	247
A. D. Stepanov. Chekhov's World: The Unity of Vision	250
T. M. Dvinyatina. Pre-Jubilee: The Buniana of the Recent Years	252

NEWSREEL

E. R. Obatnina. XXII Research Conference of the Manuscript Department, Pushkin House	257
D. M. Bulanin. <i>Historical Narration in the Writings of Eastern Slavs</i> International Research Conference	260
N. V. Loshchinskaya. <i>Crossed-Out Text in the Perspective of an Artistic Utterance</i> Seventh Practical Research Seminar	263
S. A. Alexeeva, T. R. Rudy. Seventh Hagiographic Seminar	267
Summaries	271

Published under the Auspices of History and Philology Department Russian Academy of Sciences

Editorial Council:

N. A. BOGOMOLOV, M. GARZANITI, S. GARZONIO, J. F. JACCARD, J. MALMSTAD,
G. NIVAT, V. SCHMIDT, G. SMITH, R. D. TIMENCHIK, T. V. TSVIAN, WENFEI LIU

Editor-in-Chief V. E. BAGNO

Editorial Board:

I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), V. V. GOLOVIN, A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY,
A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA, S. I. NIKOLAEV, M. V. OTRADIN,
A. A. PANCHENKO, V. V. POLONSKY, N. N. SKATOV, A. L. TOPORKOV, T. S. TSARKOVA,
M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN

Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034.
Phone/fax (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Russian Academy of Sciences, 2019
© Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom), 2019
© Compilation. *Russkaya Literatura*
Editorial Board, 2019

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-229-236

**А. Ф. ЛОСЕВ
НА ПОДСТУПАХ К СИМВОЛИСТСКОЙ ДРАМЕ****(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© Е. А. ТАХО-ГОДИ)***

Наследие великого русского философа А. Ф. Лосева огромно. Не менее обширен и его личный архив. В нем, несмотря на многочисленные утраты, вызванные гражданской войной, арестом мыслителя в 1930 году, разрушением его дома в августовскую бомбежку 1941 года, сохранилось немало рукописных материалов, относящихся ко времени начиная с 1910-х годов, которые до сих пор не публиковались. Только в 2000-е годы впервые увидели свет монументальная, тысячестраничная «Античная мифология с античными комментариями к ней»¹ конца 1930-х годов, книга 1936 года «Диалектические основы математики»,² реконструированный по разрозненным фрагментам труд 1920-х годов о Николае Кузанском.³ В 2018 году начала печататься ранняя, 1918–1923 годов, редакция книги «Философия имени».⁴ На этом фоне две с половиной странички незавершенных тезисов «Три Лаодамии» могут показаться «мелочью», не заслуживающей особого внимания. Однако такая оценка была бы в корне ошибочна.

Извлечение из лосевского архива крупных работ по античной мифологии, математике, о философии имени или о Николае Кузанском, несомненно, значимо, но тематически неудивительно — все они развивают в той или иной мере традиционные для Лосева сюжеты, поэтому их обнаружение, можно сказать, почти закономерно. Обращение к сюжету о Лаодамии, хотя и связанному с античностью — с отрывками трагедии Еврипида о Протесилае,⁵ уникально для ученого: ведь тут мыслитель впрямую, непосредственно обращается к анализу и изучению драматургии русского символизма, что дает новый материал к истории восприятия Лосевым символизма.

Отношение Лосева к символизму — проблема непростая, требующая серьезного и подробного анализа, в который сейчас, в предисловии к небольшой публикации, было бы, наверное, неуместно погружаться. Тем не менее нельзя не отметить два наиболее важных момента.

Во-первых, русский символизм для Лосева не просто литературное направление, для него это — литература его юности, то, что он вольно или невольно впитал в себя еще с гимназической скамьи. Общение с реальными участниками символистского течения — с А. Белым,⁶ В. Нилендером,⁷ Г. Чулковым⁸ и, прежде всего,

* Исследование и публикация подготовлены в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН Российского научного фонда (проект № 17-18-01432).

¹ Лосев А. Ф. Античная мифология с античными комментариями к ней: Энциклопедия олимпийских богов / Собр. первоисточников, статьи, [пер.] и комм. проф. А. Ф. Лосева; предисловие А. А. Тахо-Годи. Харьков; М., 2005.

² Лосев А. Ф. Диалектические основы математики / Предисловие В. М. Лосевой; публ. А. А. Тахо-Годи; подг. текста к публ., послесловие, комм. и прим. к тексту В. П. Троицкого. М., 2013.

³ Лосев А. Ф. Николай Кузанский в переводах и комментариях: В 2 т. / Отв. ред., сост., вступ. статья, подг. текста, комм. Е. А. Тахо-Годи. М., 2016.

⁴ Лосев А. Ф. Диалектика инобытия сущности: вечность и время / Публ. А. А. Тахо-Годи; науч. подг. текста В. П. Троицкого // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 153–163.

⁵ См.: Зелинский Ф. Ф. Античная Лейра // Вестник Европы. 1906. № 3. С. 167–193.

⁶ Тахо-Годи Е. А. А. Ф. Лосев и Андрей Белый — между восхищением и осуждением // Миры Андрея Белого / Сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград; М., 2011. С. 295–303.

⁷ Лаппо-Данилевский К. Ю. Мемуар А. Ф. Лосева о В. О. Нилендере // Симпозион: К 90-летию со дня рождения А. А. Тахо-Годи / Отв. ред и сост. Е. А. Тахо-Годи. М., 2013. С. 171–178.

⁸ Тахо-Годи А. А. Лосев. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007 (по имен. указ.).

с Вяч. Ивановым⁹ (не говорю уже о философах этой эпохи — Н. Бердяеве, С. Булгакове, П. Флоренском, которых Лосев видел, став с 1911 года участником заседаний Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, и с которыми тесно общался, готовя в 1918 году так и не увидевшую свет религиозно-философскую серию книг «Духовная Русь»¹⁰) — безусловно, придало лосевскому восприятию символизма дополнительное, личностное измерение.¹¹ Кроме того, надо учитывать и лосевскую увлеченность тем, что было питательной почвой для русского символизма. Это не только философское и поэтическое наследие Вл. Соловьева, сочинения Ф. Ницше или музыка Р. Вагнера и А. Скрябина, но и романтическая лирика — от В. Жуковского до Ф. Тютчева. Еще находясь в лагере на строительстве Беломорско-Балтийского канала, получив летом 1933 года статус вольнонаемного, дававший чуть больше свободы действий, Лосев берется за разбор тютчевской поэзии (эти наброски еще ждут своего изучения и истолкования). В не менее трудный период, в военные 1942–1944 годы, мыслитель находит отдохновение в том, что перечитывает стихи Вяч. Иванова, выписывает наиболее понравившиеся ему строки, создает под ивановским влиянием поэтический цикл о кавказских горах, в полном соответствии с символистскими традициями переосмысляя личные впечатления (путешествие на Кавказ 1936 года) и двигаясь от реального к реальному.¹²

Однако при этом нельзя не учитывать, что Лосевым как религиозным мыслителем литература эпохи символизма (да и романтизма в целом) воспринимается как несомненное проявление кризиса, переживаемого обществом, утратившим истинные духовные ориентиры (тут ощутимо и влияние идей авторов сборника «Вехи»). Философ видит в произведениях символистов и романтиков определенного рода «духовное приключенчество» и «иллюзионизм», всегда приводящие к нравственной распушенности, преступлениям, общественно-социальным катастрофам. Отсюда, к примеру, его резкая критика ивановского учения о Дионисе как ипостаси Христа в «Дополнении к „Диалектике мифа“»¹³ или скрытые сатирические аллюзии на Вяч. Иванова в романе «Женщина-мыслитель».¹⁴ Критика символистских теоретических построений ощутима и в более поздние годы — в лосевских письмах конца 1960-х годов к Ю. М. Лотману, где философ пеняет на то, что само понятие «символ» невозможно изучать в советское время из-за прочных ассоциаций с символистами.¹⁵ Это, однако, не мешает Лосеву одновременно с вызовом, доходящим до эпатажа, утверждать, что он чужд простой «классики» вроде Пушкина,¹⁶ или называть себя прямым учеником Вяч. Иванова.¹⁷

В таком контексте уже не так удивительно, что Лосев берется за изучение любимых авторов символистской поры, каковыми для него были И. Анненский и Ф. Соло-

⁹ См.: Тахо-Годи Е. А. Вячеслав Иванов и некоторые факты из биографии А. Ф. Лосева // Вячеслав Иванов — творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения. М., 2002. С. 272–282.

¹⁰ См. об этом: Тахо-Годи Е. А. Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917–1919. М., 2014. С. 59–85.

¹¹ См. также: Тахо-Годи Е. А. Люди Серебряного века и их инскрипты (о некоторых книгах из коллекции А. Ф. Лосева) // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия А. В. Лаврова. М., 2009. С. 692–702.

¹² Тахо-Годи Е. А. Лосев и Вячеслав Иванов (Некоторые факты и материалы) // Тахо-Годи Е. А. А. Ф. Лосев. От писем к прозе. От Пушкина до Пастернака. М., 1999. С. 179–202.

¹³ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» / Сост., подг. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого; предисловие А. А. Тахо-Годи; прим. В. П. Троицкого. М., 2001. С. 453, 489.

¹⁴ См.: Тахо-Годи Е. А. Художественный мир прозы А. Ф. Лосева. М., 2007. С. 78–80.

¹⁵ Тахо-Годи Е. А. История одного разочарования: письма А. Ф. Лосева к Ю. М. Лотману // Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / Сост. и подг. текста А. А. Тахо-Годи и В. П. Троицкого. М., 2014. С. 356–373.

¹⁶ См.: Лосев А. Ф. В поисках смысла / Беседу вел В. Ерофеев // Вопросы литературы. 1985. № 10. С. 205–231; Бибихин В. В. А. Ф. Лосев о литературе вообще и о Вяч. Иванове в частности // Вячеслав Иванов — творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения. М., 2002. С. 283–288.

¹⁷ См.: Лосев А. Ф. О Вяч. Иванове / Подг. текста и комм. Е. А. Тахо-Годи // Вячеслав Иванов: Pro et contra: Антология. СПб., 2016. Т. 1: Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. С. 719–735, 669–672.

губ.¹⁸ Судя по всему, из трех авторов, обращавшихся к образу Лаодамии, — Анненского, Сологуба и Брюсова — фигура и творческое наследие Брюсова для Лосева менее всего привлекательны. Как ни парадоксально, но для такого строгого логика и систематика, как Лосев, Брюсов, вероятно, излишне рационален, недостаточно мистичен, «мифологичен», так сказать. Примечательно, что В. Брюсов с его «Протесиамом умершим» так и остается не прописан в тезисах, а лишь единожды упомянут.

Остаются открытыми два вопроса: к какому времени относятся лосевские тезисы и чем вызвано их появление? К сожалению, точных ответов мы не знаем — можно лишь высказать ряд предположений.

Тезисы вписаны в серого цвета общую 93-страничную тетрадь в линейку (страницы без нумерации).¹⁹ Большинство внесенных в тетрадь тезисов связано с логикой или учением о языке: «Грамматическое предложение и логическое суждение», «Смысл и понятие», «О развитии языков», «Интонация», «Критика учений о предложении», «Критика традиционного учения о суждении», «Определение логики». Но не только. Тетрадь открывается тезисами «Схема развития литературных стилей», начинающимися с определения мифа: «Миф — безраздельное тождество образа и значения». С ними перекликаются тезисы «Поэтические формы», также посвященные размежеванию мифа, аллегории, тропов, метафор, символа (тема, общая как для ранних лосевских работ 1920-х годов — «Диалектика художественной формы», «Диалектика мифа», так и для поздних, 1970-х годов — «Знак. Символ. Миф», «Проблема символа и реалистическое искусство»). С античной литературой связаны тезисы «Лукиан» и «Пиндар». Между ними как раз и находятся тезисы «Три Лаодамии». Еще раньше, между тезисами «Поэтические формы» и «Интонация», словно прелюдия к ним, страничка тезисов с примечательной опиской: тезисы названы «Из наблюдений над стилем Аннен<ского>», хотя в них разбирается и цитируется перевод не еврипидовской «Медеи», а «Медеи» Сенеки в переводе Сергея Соловьева:²⁰

«Med<ea>

Медея призывает (вызывает) „вечной ночи хаос“ 11²¹

367–444 элементы мифа о бесконечных далях (европ<ейского> типа). Аргонавты.

713 слл.²² Хор. Обилие мифов.

805 слл. Изображение размера гнева Медеи.

888 слл. Заклинание Медеи: обилие мифов, хаос, все ужасы неба и земли, патетика и воздействие на нервы.

1003 слл. Медея как менада и тигрица.

1049–1170 — то же

1218 „В эфире нет богов“.²³

Вписанные в тетрадь тезисы не имеют датировки. Единственный датированный текст — вложенный в тетрадь листок с тезисами «Возражения по докладу Горнунга», датированными 1 марта 1945 года. Хотя нет уверенности, что он находился в тетради изначально, однако многое (в том числе и почерк) указывает на то, что тетрадь относится ориентировочно к середине 1940-х годов. С 1942-го и до весны 1944 года Лосев читает в МГУ курс логики — этим можно объяснить наличие тезисов «Критика традиционного учения о суждении», «Определение логики». В мае 1944 года Лосев переведен на классическое отделение педагогического института (не отсюда ли «Лукиан» и «Пиндар»?). Со второй половины тетрадь заполнена тезисами и заметками,

¹⁸ О сологубовском мотиве «злого ребенка» в лосевской прозе 1930–1940-х годов см.: Тахо-Годи Е. А. «Злой ребенок» в прозе А. Ф. Лосева (о символистских мотивах в литературе постсимволизма) // Постсимволизм как явление культуры. М., 2003. Вып. 4. С. 63–66.

¹⁹ Тетрадь озаглавлена А. А. Тахо-Годи при разборе лосевского архива «Поэтика, логика, эстетика, грамматика».

²⁰ Цитаты даются Лосевым по изданию: Сенека. Трагедии / В пер. С. Соловьева. М.; Л., 1933.

²¹ Точнее, строки 11–12: «И ты, кого Медею призывать / Всего законней: вечной ночи хаос».

²² Сокращение «слл.» обозначает, скорее всего, «и следующие».

²³ Сокращенная финальная реплика Язона. В переводе С. Соловьева: «Несясь в пространстве горнего эфира, / Свидетельствуй, что в нем уж нет богов!»

внесенными рукой супруги Лосева Валентины Михайловны, — «Схема поэтики», «Язык и мышление», далее неизвестным почерком «Библиография по Марру», включающая работы за период с 1922 по 1934 год. Далее опять почерком Валентины Михайловны — «Предложение» с ссылкой на статью, опубликованную в 1949 году в журнале «Русский язык в школе». Далее почерком А. А. Тахо-Годи, учившейся с осени 1944 года в аспирантуре классического отделения того же Московского педагогического института, вписаны тезисы «Другая схема поэтики», «Структурное языкознание». Затем, после целого ряда пропущенных чистых листов, опять почерком В. М. Лосевой последние в тетради тезисы «Краткая феноменология». Судя по этим записям, тетрадь могла заполняться и после 1947 года, когда Лосев полностью лишился зрения и уже не мог писать самостоятельно. Следовательно, примерные хронологические границы вписанных Лосевым тезисов — не раньше 1942 и не позднее 1946 года.

Сама тема — сопоставление трех трагедий о Лаодамии: «Лаодамии» И. Анненского 1902 года, «Дара мудрых пчел» Ф. Сологуба 1907 года и «Протесилая умершего» В. Брюсова 1913 года, — представляющаяся из XXI столетия столь очевидной, благодаря большому числу появившихся за последние десятилетия публикаций,²⁴ в 1940-е годы таковой отнюдь не казалась. Пожалуй, одним из прецедентов, едва ли не единственным, надо назвать напечатанную в 1937 году в томе 27/28 «Литературного наследства» (уникального для советского времени самой задачей увидеть в символизме предмет, достойный обширного научного исследования) статью И. С. Дукора «Проблемы драматургии символизма».²⁵ Сопоставительный анализ этих трех пьес является одним из центральных ее разделов. Нельзя исключить, что этот том, открывающийся статьей В. Ф. Асмуса «Философия и эстетика русского символизма»,²⁶ был Лосеву известен. Но конечно, в тезисах Лосева не найти прямых параллелей идеям Дукора, считавшего центральной в мифологии символизма проблему вырождения, мифотворчество символистов — «одной из утонченнейших форм мистификации», а использование ими мифа «маскировкой», формой «бегства от действительности, „беременной революцией“».²⁷

Как же можно реконструировать лосевский ход мысли? Очевидно, он противопоставляет трагедию Сологуба «Дар мудрых пчел» как в полном смысле слова символистскую вещь романтически-мечтательной «Лаодамии» Анненского и брюсовскому «Протесилаю умершему». По Лосеву, из всех троих только у Сологуба дана оригинальная космология: недаром главной героиней тут, с лосевской точки зрения, является не столько Лаодамия, сколько Афродита-Мойра, т. е. иначе Любовь-Судьба, приобретающая людей к вселенской любви. Для Лосева трагедия Сологуба не только пластичнее пьесы Анненского, для которой наиболее характерной оказывается чисто декадентская цветовая

²⁴ Сошлюсь лишь на несколько: *Венцлова Т.* Тень и статуя: К сопоставительному анализу творчества Федора Сологуба и Иннокентия Анненского // *Studia litteraria polonoslavica: 1. Srebrny vek w literaturze rosyjskiej.* Warszawa, 1993. S. 15–27; *Силард Л.* Античная Лена в XX в. // *Силард Л.* Герметизм и герменевтика. СПб., 2002. С. 27–53 (впервые: *Studia Slavica* (Budapest). 1982. Т. 28. С. 313–331); *Меррилл Дж.* «Дар мудрых пчел» Ф. Сологуба — диалог с Анненским? // *Русская литература.* 2010. № 2. С. 48–54; *Страшкова О. К.* 1) Три интерпретации мифа // Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983. С. 77–92; 2) Миф о Протесиле и Лаодамии в рецепции символистов // *Les reflets de l'antiquité grecque à l'âge d'argent. Modernités russes* 15. Lyon, 2015. P. 289–306.

²⁵ Литературное наследство. 1937. Т. 27/28 / Отв. ред. П. И. Лебедев-Полянский. С. 106–166. Вероятно, именно под влиянием выхода этого тома и статьи И. С. Дукора примерно в это же время, в середине 1940-х годов, учившаяся в аспирантуре на классическом отделении А. А. Тахо-Годи получает задание написать письменную работу как ответ на аспирантский спецвопрос на аналогичную с лосевским замыслом тему: «Миф о Лаодамии в русской поэзии (И. Анненский, Валерий Брюсов, Ф. Сологуб)». Однако руководит этой работой не Лосев, а специалист по русской литературе Л. В. Крестова (см.: *Тахо-Годи А. А.* Жизнь и судьба: Воспоминания. М., 2009. С. 295), и, судя по устным воспоминаниям, тема этой работы с Лосевым никогда не обсуждалась (хотя, конечно, исключить, что он слышал об этом задании и сам заинтересовался, с полной уверенностью невозможно).

²⁶ Там же. С. 1–53.

²⁷ Там же. С. 136.

палитра,²⁸ но и полна философско-символических антиномий, важнейшая из которых — это антиномия Лица и личины, т. е. другими словами — небесной идеи и ее земного феномена. Если у Анненского восковое изображение Протесилая не более чем «кукла» в руках детски наивной Лаодамии, то у Сологуба этот образ вырастает в подлинный символ тщетности всего земного перед смертью и вечностью. С лосевской точки зрения, только Сологуб в своей трагедии затрагивает сложнейшую религиозно-философскую проблематику взаимосвязи языческой античности и христианства, пытаясь осмыслить жизнь и воскресение (как и не упомянутый прямо Лосевым Вяч. Иванов) через глубинный религиозный символизм дионисического экстаза с его вечной победой жизни над смертью, с его воскрешающим жертвоприношением. Пусть в трагедии Сологуба христианство только «формально» допускается, но, тем не менее, проблема им осознана и сознательно проведена.

В заключение стоит сказать, что в дальнейшем Лосев все-таки уточнит свою позицию и будет говорить уже не о «декадентском колоризме», но о «колористике символического характера» в наследии Анненского, особо отмечая, что у поэта «почти каждое стихотворение является развитым символом», причем «вся эта символика пронизана весьма оригинальной и, можно сказать, вполне импрессионистической трактовкой цветных, т. е. чисто зрительных конструкций».²⁹ Он даст обширный перечень примеров в работе «Проблема вариативного функционирования поэтического языка» и в качестве наилучшего образца «символико-мифологической колористики» приведет строки из стихотворений Анненского «Конец осенней сказки», «Серебряный полдень», «Аметисты», подчеркивая, что именно «примеры из поэзии Анненского помогают ощутить, что такое представляют собой мифологическая и символико-мифологическая словесная живопись».³⁰

В этой же работе, останавливаясь на «*субъективно-объективной структуре мифа на основе космологических обобщений*», т. е. там, где в литературе «даются изображения натурфилософского и космологического характера», Лосев сошлется (помимо трех «величайших произведений мировой литературы, где этот тип мифологии проведен последовательно с начала и до конца: „Божественная комедия“ Данте, „Фауст“ Гете и „Кольцо нибелунга“ Рихарда Вагнера») исключительно на драматургические тексты эпохи Серебряного века и скажет, что в трагедиях И. Анненского «Меланиппа-философ», «Царь Иксион», «Лаодамия», «Фамира-кифарэд», Ф. Сологуба «Дар мудрых пчел», Вяч. Иванова «Тантал» и «Прометей», В. Брюсова «Протесилай умерший», М. Цветаевой «Ариадна» («Тезей») и «Федра» мифологическая образность обладает «огромной обобщающей силой».³¹ Но без публикуемых ниже тезисов середины 1940-х годов истоки и эволюция этих предельно лаконичных суждений оказываются далеко не очевидны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Ф. Лосев

ТРИ ЛАОДАМИИ¹

I. Анненский

Романтическая концепция

мягко-мечтательная Лаод<амия> наивно-самоотверженная, не знающая брака, играющая с восковой фигурой как с куклой.²

*Декадентский колоризм*³

²⁸ Ср. высказывание Лосева в работе «Теория художественного стиля»: «Стоит перечитать <...> стихи и трагедии Ин. Анненского, чтобы убедиться в огромной роли цвета в качестве модели для множества различных образов и стилей» (Лосев А. Ф. Проблема художественного стиля. Киев, 1994. С. 243).

²⁹ Лосев А. Ф. Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе // Литература и живопись / Отв. ред. А. Н. Иезуитов. Л., 1982. С. 56–57.

³⁰ Там же. С. 64–65.

³¹ Там же. С. 63.

- Примеры. 1. Начальные ремарки (стр. 145).⁴
 2. Ремарки при появлении Лаодамии (стр. 147).⁵
 3. «Вы, бледные, и в сером, и в лиловом»⁶ и т. д.

II. Ф. Сологуб

1. Настоящая *символистская* драма, в отличие от Анн<енского> и Брюсова.

Символ — широкое *мировое* содержание в чувственном образе.

[стр. 99] *Афродита Урания*, Мойра⁷ и Мать всего — основной персонаж. Она — на лоне *Хаоса*. Дана настоящая *космология*.

Афр<одита> не мстит и не наказывает («у богов иные вождения»⁸), она хочет приобщить смертных *к любви космической*.⁹

Это приобщение тоже проведено символически: экстаз Диониса.¹⁰

[стр. 124] Восковая фигура Протесилая — тоже символична (личина и Лик).¹¹

2. *Литературные* приемы.

Антиномика.

Персефона — вечная богиня вечно плачет.¹²

Молнии в Аиде — застыли.¹³

«Мертвое ликование».¹⁴

«Боги трепещут, но смеются» (при столах Прометей).¹⁵

«Тихий, кроткий, но мятежный» (о Дионисе).¹⁶

Вся картина Аида (И д<ействие>) — такова.

Камыши. Тяжелые волны Леты.¹⁷ Чрезвычайная *пластичность* Аида.

3. *Христианство* все-таки не исключается. Оно — только формально (Лик и личина, земное тает как воск¹⁸), ибо слияние Прот<есилая> и Лаод<амии> — какое-то различное (ср. последнюю¹⁹ ремарку в последней сцене о светлой и чистой как смерть завесе²⁰).

¹ Все подчеркивания в тезисах переданы курсивом. Страницы трагедии Анненского указаны Лосевым по сборнику: «Северная речь», где впервые была опубликована завершенная Анненским в 1902 году «Лаодамия»: *Анненский И. Ф.* Лаодамия: Лирическая трагедия в 4-х действиях и с музыкальными антрактами // Сборник «Северная речь». СПб., 1906. С. 137–208. Страницы трагедии Сологуба даются, скорее всего, по сохранившемуся в лосевском книжном собрании изданию: *Сологуб Ф.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 8. СПб., 1913.

² Ср. слова кормилицы о Лаодамии из второго действия (явление пятое):

<...> Нет, она
 Со статуей играла, точно с куклой,
 Но тихо и серьезно, как больной
 Иль матерью оставленный ребенок
 <...> Улыбка, дрожь, слеза —
 Как золото, а щеки — меловые...
 Так с куклою царица в тишине,
 К ее ногам прильнув щекою нежной,
 Мечтательно и робко говорила...

(*Анненский И. Ф.* Лаодамия. С. 168)

³ В разговоре с В. В. Библихиным 13 февраля 1972 года Лосев подчеркнет особо: «Анненский, переводчик Еврипида; у него игра цветов» (*Библихин В. В.* Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М., 2004. С. 138).

⁴ Первое действие открывается следующей ремаркой: «Сцена представляет фасад царского дворца в Филаке (в Фессалии). На сцене никого. Раннее утро. Небо синее, но в облаках густо белых и разорванных. В воздухе осень. Перед домом большой стан с закрытой работой. У средних дверей золотая статуя Артемиды». Затем, после первой строфы, следует другая: «Звуки приближаются, изредка перебиваясь печальными и тяжелыми ударами бубна. На оркестру спускается толпа женщин и девушек, старых и молодых. В одеждах мало нарядного и пестрого: преобладают серые и лиловые тона. Часть несет кувшины и после вступительной песни покидает оркестру. Образуются группы. Иные поднимаются на сцену и убирают цветами подножие статуи Артемиды. В это время часть Хора, одетая в короткие одежды и с кинями на головах, поет» (*Анненский И. Ф.* Лаодамия. С. 145).

⁵ Лосев имеет в виду ремарку, открывающую второе явление: «Из средних дверей во время пения этой строфы выходит Лаодамия. Она высокая и тонкая, с пышными белыми косами и в белом. В линиях и движениях что-то стыдливо-девическое. Розовые локти и тонкие белые пальцы без колец. Глаза карие с розоватым отблеском» (Там же. С. 147).

⁶ Имеется в виду реплика Лаодамии в начале второго действия:

Как парусов далекой синевы,
Не разогнать желанья полным словом,
Мне не дано утешить вас, увы!
Вы, бледные, и в сером, и в лиловом.

(Там же)

⁷ В списке действующих лиц пьесы: «Мойра-Афродита, богиня, движущая миры и волнующая сердца» (*Сологуб Ф.* Собр. соч. Т. 8. С. 61).

⁸ Неточная цитата, у Сологуба: «Мы, боги, иные знаем вожделения» (Там же. С. 88; см. прим. 9).

⁹ Лосев имеет в виду диалог между Афродитой и Лисиппом:

«Афродита. Не мщение и не награду замыслила я. Мы, боги, иные знаем вожделения, недоступные смертным, и высокие ставим себе цели, выше человека, выше бога, в ту область, где царит верховная Ананке-Айса. Воздвигну умершего, над смертью вознесу чары мои, обаянием моим расторгну плен Протесилая и власть незримого бога.

Лисипп. Он, друг мой, великою упоенный любовью, ныне покоится во владениях тихого Загрея.

Афродита. Расторгну, расторгну я узы смерти. Мною движутся миры.

Лисипп. Богиня, говорят старцы, что миры не ты движешь, великая движет их мать Мойра, державная Ананке.

Афродита. Смешно, когда отроки судят и рядят о богах. Я — любовь, я — роковая, я — Афродита-Мойра. Безрадостно и пустынно томился древний Хаос, и не было ничего в мире явлений, и вечные тосковали матери в довременной своей могиле, скованные ледяным сном. Но в холодном сердце Хаоса, которому дают мудрецы имя Логоса, возникла Я. И, умирая, умер бессильный, истлела безумно-искаженная личина, и проснулись вечные, и зажглись неисчислимые молнии изволений и устремлений. И все, что было в творчестве божеском и человеческом, все из Моего изникло святого лона, все мною рождено, все во Мне только дышит, все устремляется Мною и ко Мне. Только Я, только Я, — люби Меня, милый юноша, — в каждом земном прельщении открывай Мои черты, в каждом очаровании сладостной жизни узнавай Мой зов. Люби Меня» (Там же).

¹⁰ Страницы 99–109 в третьем действии трагедии Сологуба напрямую связаны как раз с изображением того «экстаза Диониса», о котором говорится в лосевских тезисах: здесь перед Лаодамией плящут ночные колдуньи вместе с ее подружками, воспевая Диониса, здесь «флейты играют, кимвалы гудят, тайно венчается она с восставшим Загреем».

¹¹ Имеется в виду антиномика «кумира» и «милого лика», особо явно развитая в заключительных сценах трагедии, ср. реплики Акаста, Лаодамии и Лисиппа:

«Акаст. Смотрите сами, — вот, это не более как воск, — а она его обнимала, обольщенная каким-то неведомым демоном, враждебным жизни, обнимала, — и разжимались восковые руки для нечестивых страшных объятий. <...>

Лаодамия (*шепчет*). Милый воск.

Акаст. И этот восковой идол, так дивно изваянный, — вот чем ворожила ты, нечестивая! Пора, пора нам разрушить это злое очарование! <...>

Лаодамия. Не отдам моего друга! В этом воске — душа моя, душа Протесилая. Не отдам, не отдам! <...>

Лисипп. Поздно прихожу я. Свершилось безумное дело. Милый лик друга моего сожгли.

Лаодамия. Милый отрок, и ты плачешь. Взяли моего друга. Сожгли. Власть воздвигли над нашею любовью люди! <...>

Акаст. Утешайте, утешайте ее, милые подружки, — тяжела ей потеря милого и последняя разлука с ним. Но вот сгорит проклятый, чародейный идол — и утешится моя Лаодамия» (Там же. С. 128–130).

¹² Ср. реплики: «Тени Предков. Персефона тоскует в многоколонном чертоге супруга своего, царя Аида, тоскует, и плачет, и не хочет утешиться» (Там же. С. 64) или «Аид. Тоскуешь и плачешь, милая супруга! Не осушая глаз, плачешь. Или сладки тебе слезы? <...> Что может сравниться со скорбью богини?» (Там же. С. 67).

¹³ Имеется в виду открывающая первое действие ремарка: «Освещение пепельно-серое; изредка над говорящими вспыхивают яркие фиолетовые лучи, неколеблющийся, неживой свет закованной, заколдованной молнии» (Там же. С. 71).

¹⁴ Реплика из первого действия, предвещающая появление Протесилая за трапезой перед Аидом и Персефоной: «Тени Вновь Пришедших заняли места за царским столом. Протесилай против Персефоны. Мертвое ликование» (Там же. С. 71).

¹⁵ Имеется в виду фрагмент из первого действия трагедии Сологуба:

«Далекий Вопль Прометея. Расторгну оковы — и ты погибнешь, несправедный.
Вновь Пришедшие. Чей вопль доносится к нам? Не голос ли это страдающего бога?
Шелест Камышей. Прикованный Прометей грозит богам светлого Олимпа.
Змея. Боги трепещут, но смеются» (Там же. С. 66).

¹⁶ Слова из Антистропы V хора ночных колдуний о Дионисе из третьего действия:

Тихий, кроткий, но мятежный,
Победивший смерть и ад,
Усладит он песней нежной
Вопли буйные менад.

(Там же. С. 104)

¹⁷ Имеется в виду открывающая первое действие реплика: «У темных, но широких ворот в царство Аида плещутся тяжелые волны Леты. Шелестит камыш, и шелест его иногда слагается в слова, и другие порою доносятся темные речи» (Там же. С. 63).

¹⁸ Имеются в виду обращенные к Персефоне и заключающие первое действие слова Протесилая об Аполлоне и воске: «Протесилай. Вдыхая о златокудром метателе стрел и о золотых, его светлостью упоенных пчелах, ты, великая царица, забыла тающий от огня дар мудрых пчел — воск. Как воск, тают личины. Персефона, видишь ли ты Лик?» (Там же. С. 74).

¹⁹ В рукописи описка: последняя.

²⁰ Имеется в виду заключающая трагедию Сологуба реплика: «Ликующие лучи восшедшего над землею солнца заливают всю сцену. Пламя костра пылает, подымаясь прямо кверху, яркое, но бледное. Светлою завесой от востока закрывается сцена, — завеса чистая и белая, — ясная смерть» (Там же. С. 131).

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-236-239

А. М. РЕМИЗОВ. ВО ВЛАСТИ СКАЗОК

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © А. М. ГРАЧЕВОЙ)

Перед Второй мировой войной Алексей Михайлович Ремизов познакомился с Натальей Владимировной Кодрянской (1901–1983). В 1940 году вместе с мужем — успешным коммерсантом — она успела покинуть Францию и переехала в США. После войны Кодрянские жили «на две страны»: и в Нью-Йорке, и в Париже. В 1945 году Наталья Владимировна вновь появилась в квартире Ремизова в доме 7 на улице Буало. С этого времени супруги стали друзьями писателя и много материально помогали ему: оплачивали счета за квартиру и электричество, финансировали установку памятника на могиле С. П. Ремизовой-Довгелло на кладбище Банье, а в последние годы жизни Ремизова нанимали ему сиделку. Однако основной причиной духовного сближения Кодрянской и Ремизова было то, что она начала сочинять сказки. Так у писателя появилась возможность осуществить миссию «литературно-го учителя».

Ремизов стал обучать Кодрянскую премудростям своей «теории русского лада», создал для нее своеобразный рукописный учебник профессионального мастерства, озаглавленный «Как научиться писать».¹ Когда ученица находилась в Нью-Йорке,

¹ См.: Ремизов А. М. 1) Как научиться писать. [I] / Вступ. заметка, публ. и комм. А. М. Грачевой // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб.; Салерно, 2003. Вып. 2. С. 263–291; 2) Как научиться писать (Ремесло). [II] / Вступ. заметка, публ. и комм. А. М. Грачевой // «Страна